

**ВЛ. С. СОЛОВЬЁВ:
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ИМПЕРИИ¹***Елена Валерьевна Бессчетнова*

Кандидат философских наук,
заместитель заведующего МЛ исследований русско-европейского
интеллектуального диалога НИУ ВШЭ,
преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.
E-mail: ebesschetnova@hse.ru

В статье рассматриваются взгляды В. С. Соловьева на природу и задачи языка. Основное внимание уделено процессу создания его собственной метафизики языка в контексте главной философской идеи, выраженной через понятие Всеединства. В качестве основной задачи языка философ рассматривал свидетельство об общем изначально заданном всеедином смысле. Кроме того, язык — естественная способность человека, он не может быть искусственно создан, а представляет собой божественный дар, назначение которого заключается в творческом преображении окружающего пространства. В отношении природы языка Соловьев мыслил универсально и рассматривал многообразие наречий как необходимое условие гармонии, подразумевая, что в основе любого словообразования и фактического использования слов лежит общий корень, поэтому даже в ситуации разнообразия языков присутствует единство и солидарность. В статье отмечается, что, по мнению философа, русский язык является прежде всего языком Империи. Соловьев подчеркивает, что даже в сфере языка Россия должна следовать своему историческому призванию и способствовать всеобщему единению.

Ключевые слова: язык, христианская империя, метафизика языка, всеединство, Русская идея, логос, Божественная истина.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-4-178-187

Интерес к философии языка возник в русской мысли со второй четверти XIX в. Уже ранние славянофилы поднимали вопросы о роли языка, точнее, слова в становлении самосознания русского общества (Безлепкин, 2002: 71). К. С. Аксаков стал основоположником философии языка или *словологии* в Рос-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования за счет средств гранта Президента Российской Федерации МК-3702.2019.6 «Экуменистические проекты русских мыслителей второй половины XIX в. начала XX в.» (Соглашение от 31.05.2019 № 075-15-2019-1164).

сии. Он рассматривал язык как форму мысли, через которую внутренняя идея становится фактом и открывается внешнему миру. С точки зрения Аксакова, язык с необходимостью принадлежит разуму, а слово, в свою очередь, — «это голос сознающего разума, данного свыше» (Аксаков, 1880: 1). Позже А. А. Потебня развил учение Аксакова о форме в контексте процесса понимания; он полагал, что процесс понимания языка, его структуры и особенностей приближает к понимающей сущности феномена, представленного в словесной форме. Также А. С. Хомяков говорил о языке как единой системе с развитыми внутренними взаимными связями, что помогает понять живую мысль во всей полноте.

Стоит отметить, что славянофилы сумели показать и обосновать ведущее значение языка и живого слова в формировании самостоятельной мысли. Современная исследовательница отметила, что именно они были первыми среди русских философов, кто «положил начало новому пониманию слова как условия творческого преобразования мира человеком» (Серова, 2018: 23).

Такое же понимание слова как результата творческой работы личности выражено и во взглядах В. С. Соловьева на природу языка. Он продолжил и развил дело, начатое славянофилами, сформировав понимание метафизики языка в контексте главной философской идеи, выраженной через понятие Всеединства. В отличие от славянофилов Соловьев сделал шаг вперед и акцент поставил на обоснование понятия «всеединое слово», а не «общее слово», как у Хомякова (Там же: 24). Соловьев мыслил, с одной стороны, универсально, подразумевая раскрытие в слове божественной истины, данной в равной мере всем народам и во все времена, а с другой стороны — говорил о слове как начале, объединяющем и структурирующем мысль отдельно взятого человека.

Язык сам по себе для Соловьева имеет естественный характер. В «Смысле любви» он писал, что «дар слова есть также натуральная принадлежность человека, язык не выдумывается, как и любовь» (Соловьев, 1911–1913: 12). У языка есть высшее предназначение; философ считал, что слово должно свидетельствовать об истине, то есть о высшем всемирном смысле. В «Оправдании добра» (1897) Соловьев писал: «<...> действительная и объективная общность (общий смысл) понятий обнаруживается в словесном общении, без которого разумная деятельность, задержанная и лишенная осуществления, естественно атрофируется, а затем и самая способность разумения исчезает или переходит в состояние чистой возможности. Язык — этот реальный разум — не мог быть создан личностью одинокою, следовательно, личность одинокая не была бы существом словесным, не была бы человеком» (Соловьев, 1914б: 227).

В работе «Смысл любви» философ отметил, что предназначение языка изначально задано, предопределено уже самой природой слов, которые передают общие понятия, а не отдельные впечатления. В свою очередь, умение владеть

словом — естественная способность человека. Язык не выдумывается, искусственно не создаётся, а представляет собой божественный дар, данный как средство, эффективное орудие «для достижения разумных и сознательно поставленных целей» (Соловьев, 1911–1914: 14). Без него не могли бы появиться ни наука, ни искусство, ни государство. Соловьев точно так же, как и его гениальные предшественники (Ломоносов, Державин, Жуковский, Пушкин), отводил языку ключевую роль в становлении русской культуры, считал, что развитие русского языка непосредственно влияет на формирование интеллектуального пространства. Философ подчеркивал, что, говоря о становлении языка, нужно помнить: важно не придумывать новые элементы, а последовательно развивать изначально данные формы. Т. Б. Кудряшова в этом контексте провела параллель между рассуждением Соловьева и концепцией внутренней формы, разработанной В. Гумбольдтом: «Соловьев так же, как и Гумбольдт и его последователи, указывают на тесную связь и взаимообусловленность языка и мышления» (Кудряшова, 2001: 105).

Кроме того, Соловьев значительную часть своих рассуждений посвятил исследованию понятия «замысел», которое он определял как нечто «создающее мысль как необходимый путь к задуманной цели», «начало живого движения, оплодотворяющее всякую мысленную материю» (Соловьев, 1913: 143).

Именно замысел является той творческой потенцией, которая из хаоса и разобщенности элементов создает единый целостный «умственный мир». Слово же, в свою очередь, — это «второй подъем сознательной жизни над текущей наличностью, над “суею”» (Соловьев, 1913: 144), но при этом, чтобы реализовать свою задачу, оно необходимо должно находиться в единстве с замыслом или цепью замыслов. В противном случае оно лишь погружает сознание человека в словесное безначалие и новые бесчисленные хаосы. Соловьев, размышляя о природе слова, писал: «Слово есть ближайшее предположение всякой возможной мысли, собственный ее элемент, но оно еще не дает действительной мысли <...> Мышление происходит из воспоминаний чрез слова. Память дает ему устойчивость против смены состояний во времени, слово освобождает его от временной, и от пространственной дробности; таким образом, создаются условия для возможности мышления» (Соловьев, 1913: 144).

Кроме того, для Соловьева слова являются связью многого воедино, наводя нас на разумение единого смысла: «Слово создает своему содержанию новое единство, не бывшее в наличности непосредственного сознания» (Соловьев, 1913: 149). Слово, объединяя в себе множество отдельных предметов, объединяет их в истинное и единое целое; вот почему это символ, соединяющий единичное, индивидуальное переживание с всеобщим значением.

Размышляя о языках разных народов, Соловьев отмечал в «Оправдании добра», что, с одной стороны, различие языков есть различие существенных форм творческой жизни. Общность языка является одним из ключевых факторов объединения людей, он, безусловно, самое «глубокое и основное выражение народного характера» (Соловьев, 1914б: 235). Но при этом философ подчеркивал, что как различие индивидуальных характеров не мешает единению людей, так и различие языков не мешает стремлению народов к единству, не препятствует их единодушию. Соловьев писал в «Оправдании добра»: «Язык как определенное выражение, особая качественность всемирного разума, соединяя тех, которые говорят этим языком, не разобщает их, однако, с теми, которые говорят на другом языке, так как все языки суть лишь особые качественности всеединого слова, все соизмеримы в нем между собою или понятны друг для друга» (Соловьев, 1914: 239). По сути, в различии языков для него проявляется единое внутреннее Слово, общее для всех, то есть Логос, единственное объективное начало сущего. Соловьев в данном контексте неоднократно цитировал начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него на́чало быть, и без Него ничто не на́чало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 1–5).

Таким образом, по мнению философа, языки сущностно едины. В соответствии с единством и существует их многообразие, поддерживающее гармонию. Соловьев был против искусственного смешения языков, заимствования слов из одного языка и использования в другом. Этот процесс, считал философ, убивает гармонию и нарушает заданное внутренне единство, а следствие потери — утрата вариативности восприятия мира, доступной через многочисленность языков. Гармония, по Соловьеву, также разрушается, когда один язык насильственно насаждается среди какого-либо народа, для которого не является естественным способом выражения духовной составляющей. Свою идею Соловьев иллюстрировал, обращаясь к отрывку из книги Бытия о Вавилонском столпотворении, то есть о создании Всемирной монархии вопреки воли Божьей, за что Господь наказал строителей невозможностью понимать друг друга. Соловьев отметил, что за стремление к ложному внешнему единству, лишённому истинного нравственного начала, наказанием становится различие языков. Философ заострил внимание на том, что в книге Бытия речь идет не о естественном творческом процессе образования языков, а об их искусственном смешении, то есть потере общего нравственного корня. По сути, для Соловьева акт смешения ведет к ситуации, при которой полностью отсутствуют необходимые условия для понимания ближнего своего: «Сойдем и смешаем (набла) там говор их (сафатам), чтобы не понимал каждый говора ближнего сво-

его. И рассеял Превечный их оттуда по лицу всей земли, и перестали строить город; потому называется имя его Вавель (смешение), ибо там смешал Превечный говоры всей земли, и оттуда рассеял их Превечный по лицу всей земли» (Соловьев, 1914б: 461)¹. Значит, нет факторов и для формирования истинных нравственных отношений в контексте ключевой заповеди о любви к ближнему.

Соловьев также подчеркивал, что смысл данного отрывка из Ветхого Завета непонятен без обращения к новозаветному фрагменту из Деяний апостолов (2, 1–11) о нисхождении Святого Духа и даровании умения говорить на разных языках: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами. Когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, толкуя меж собою: сии говорящие — не все ли Галилеяне? Как же мы слышали каждый собственное наречие, в котором родились, — Парфяне и Мидяне, и Эламиты, и живущие в Месопотамии, Иудее и Каппадокии, Понте и Асии, Фригии и Памфилии, Египте и частях Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне, — слышали их, нашими языками говорящих о великих делах Божиих?» (Там же). Соловьев тем самым акцентировал внимание на том, что разобщенность может быть преодолена для целей исповедания Истины. Философу важно пояснить, что «единство в истинном смысле осуществляется во многом, не упраздняя его, а освобождая его от границ исключительности. Единоязычие по действию Духа Божия есть общение и понятность многих отдельных, разделяющихся, но не разделяющих языков. <...> Нормальное отношение между языками есть вместе с тем и нормальное отношение между народами» (Там же).

Размышляя о задачах языка, Соловьев написал также небольшой очерк «О русском языке». Согласно задумке автора, это даже не очерк: текст вошел в цикл, опубликованный в газете «Русь» в 1897–1898 гг. под общим названием «Воскресные письма» (всего вышло 22). «О русском языке» — третье из цикла, опубликовано 16 февраля 1897 г. Здесь Соловьев поднял ряд социокультурных и политических, как сам отметил, «серьезных» жизненных вопросов, с которы-

¹ Быт. 11: 7–9. Здесь и в следующем случае так цитирует Соловьёв, и мы считаем необходимым оставить текст в его варианте, т.к.: 1) термин Превечный должен быть сохранен; 2) эта форма написания естественна для эпохи автора.

ми Россия готовилась перейти в XX век. Они вызваны духом времени, так как за ними стоят перемены в наличной жизни и сознании людей, и не могут быть решены старыми казенными способами, требуют новых подходов. К таким вопросам, конечно, Соловьев отнес «Восточный», «женский», «национальный», вопрос об обрусении малых народов, в том числе о статусе русского языка как государственного для всех народов Империи.

Письмо «О русском языке» посвящено проблеме устранения принципиальных особенностей национальных языков, что, по мнению мыслителя, вело к ложному господству русского. Иными словами, в данном тексте Соловьев развивает мысль об истинном характере единства языков, а именно господства всеязычия над одноязычием. Аргументацию философ построил в контексте основных принципов христианской политики и нравственной философии, изложенной им ранее в «Оправдании добра». Он призывал осуществлять политику преодоления национального эгоизма, которая для мыслителя есть единственная возможная Имперская политика. В письме «О русском языке» и двух предыдущих — «Семья народов» и «Пробуждение совести» — Соловьев выступил против насильственного обрусения и навязывания русского вне государственной сферы. Философ считал, что неминуемым следствием такого подхода, направленного на подавление языковой составляющей народности, будет отчуждение и от русского языка, и от всего русского в целом, что повлечет за собой рост националистических настроений, как пишет Соловьев, «чувашефильства», «мордвомании», «украинофильства» и так далее. В данном контексте национальная литература среди нерусских народов Империи будет развиваться от противного: целью ее окажется не выражение индивидуального бытия народа в соответствии с общим единым принципом, а отрицание русской литературы и всего русского. Во втором тексте «Воскресных писем» под заголовком «Пробуждение совести» Соловьев весьма эмоционально отметил, что «чем усерднее ставит гимназия в вину своим воспитанникам их принадлежность к польскому народу, чем сильнее сдерживает в них всякое наружное проявление этой принадлежности, тем глубже сознают они ее, тем шире разверзается пропасть, отделяющая их от России» (Соловьев, 1914а: 7).

Соловьев писал, что русский язык слишком большой барин, чтобы кому-нибудь навязываться; кто не хочет его узнать, тот сам в убытке. Фактически данный очерк был написан как ответ редакции газеты «Новое время», в котором в начале января 1897 г. появилась заметка о том, что Соловьев как известный защитник прав народов Российской империи выразил желание, чтобы малые народы империи могли читать Пушкина, прежде всего, «не на русском языке». Соловьев возмущенно подчеркивал, что данное отрицание «не на русском язы-

ке» абсолютно не соответствует его идее: он имел в виду, что читать Пушкина по-русски можно только добровольно и что сам Пушкин настаивал бы только на таком подходе.

Кроме того, философ отмечал, что, в связи с этим у русского человека необходимо должны возникать только два желания. Первое — чтобы все народы, и не только Российской империи, читали Пушкина и всю русскую литературу исключительно в той естественной символической форме, в которой выражается суть «Русской идеи», бытие России. Тут Соловьев мыслил вполне «по-хайдеггеровски»: язык — не просто выражение мысли, чувства и желания, а способность откликнуться на голоса окружающего мира, дать им человеческое звучание. Но при этом не стоит забывать, что Соловьев боролся с русофильской политикой Правительства Александра III, предполагавшей сужение России до уровня национального государства. Россия для него, прежде всего, носительница имперской идеи. Поиск имперской формулы, общего наднационального культурного кода для России жизненно важен. Собственно, для Соловьева Русская идея — та, которой определяется существование России в мысли Бога, ее долг перед человечеством (для философа человечество — единый организм), заключается осуществлением, в согласии с другими народами, совершенного и вселенского единства человеческого рода. Именно на реализацию этого проекта Россия должна положить все свои национальные силы. А для этого ей необходимо преодолеть дух национального эгоизма, что должно быть реализовано не только на религиозном, политическом и бытовом, но и на лингвистическом уровне. Свою позицию Соловьев проиллюстрировал на примере Римской империи в первом «воскресном письме» под названием «Семья народов»: «Принудительного олатынения не знала ни римская республика, ни империя Цезарей, — всякому народу предоставлялась свобода языка, быта, религии. Вследствие относительной свободы частей единство целого делалось не только более содержательным, полным и глубоким, но вместе с тем и более крепким» (Соловьев, 1914а: 4).

Так и истинное бытие России может быть дано только в многоголосии всех языков Империи. Именно поэтому второе желание, с необходимостью возникающее у русского человека, это чтобы никто не мешал какому бы то ни было народу империи читать и всероссийских, и местных писателей на родном языке.

Соловьев отмечал, что оба желания не только не исключают друг друга, но теснейшим образом связаны, и второе есть только серьезное исполнение первого. Философ сделал отсылку к Пушкину и в тексте «Семьи народов», отмечая, что именно Пушкин заговорил о всяком сущем языке на Руси, подчеркивая тем самым, что невозможно мыслить Россию иначе как единым многонародным

целым. Только такой подход необходим и достаточен для оптимальной формы органического, а не механического единства. Соловьев был убежден, что утверждение, будто в России нет больше никаких «сущих» языков, кроме одного русского, противоречит здравому смыслу и христианскому чувству. Оно ведет к превращению Российской империи в безличную массу и однородный этнографический материал, абсолютно несоответствующий идеалу Соловьева, видевшего в России прежде всего христианскую семью народов.

Литература

- Аксаков К. С. (1880). Опыт русской грамматики // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М.
- Безлепкин Н. И. (2002). Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. 2-е издание, дополненное. СПб: Искусство-СПБ.
- Кудряшова Т. Б. (2001). Владимир Соловьев: размышления о языке // Соловьевские исследования: Периодический научный сб. Вып.1 (1). Ивановский государственный энергетический университет, 2001. С. 100–109.
- Серова Н. В. (2018). Вклад Соловьева в развитие философии языка в России // Соловьевские исследования. Выпуск 1(57). С. 23–34. http://ispu.ru/files/SI_157.pdf
- Соловьев В. С. (1914а). Воскресные письма // Соловьёв В. С. Собр. соч.: в 10 т. Под. ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-ое изд. Т. 10. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение».
- Соловьев В. С. (1914б). Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. Под. ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-ое изд. Т. 8. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение».
- Соловьев В. С. (1913). Теоретическая философия // Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. Под. ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-ое изд. Т. 9. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение».
- Соловьев В. С. (1911–1914). Смысл любви // Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. Под. ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-ое изд. Т. 7. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение».

**VL. S. SOLOVYOV:
RUSSIAN LANGUAGE AS THE LANGUAGE OF EMPIRE**

Elena Besschetnova

Candidate of Philosophical Science, Deputy Head of the IL for the Study
of Russian and European Intellectual Dialogue of the HSE,
lecturer, school of philosophy, Department of Humanities of the HSE.
E-mail: ebesschetnova@hse.ru

The object of the study is the view of V. S. Solovyov on the nature and task of language. The main attention is paid to the process of creating philosopher's own metaphysics of language in the context of its main philosophical brand — the concept of all-unity. Philosopher considered the testimony of common sense as the main task of the language. Such common sense according to the philosopher is already given. In addition, language is a natural ability of person, it cannot be artificially created, language is a divine gift, the purpose of which is to transform the space surrounding us. Answering the question about the nature of language Solovyov thought universally. He considered the diversity of languages as a necessary condition of harmony, implying that the basis of any word formation and actual use of words has a common root, so even in the situation of diversity of languages there is unity and solidarity. The article notes that according to the philosopher, the Russian language is the language of the Empire, stressing that even in the field of language, Russia should follow its historical task and promote universal unity.

Keywords: language, all-unity, metaphysics of language, Christian empire, divine truth, logos, Russian idea.

References

- Aksakov K. (1880). Opyt russkoj grammatiki [The Experience of Russian Grammar] Polnoe Sobranie Sochinenij [Complete Works], 3 Vols, Vol. 3, Moscow (in Russian).
- Bezlepkin N. (2002). Filosofiya yazyka v Rossii. K istorii russkoj lingvofilosofii [Philosophy of Language in Russia. The History of the Russian Llinguophilosophic], Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB (in Russian).
- Kudryashova T. (2001). Vladimir Solov'yov: razmyshleniya o yazyke [Vladimir Solovyov: Reflections on Language], Solov'yovskie issledovaniya [Solovyov Studies], Iss. 1 (1), Ivanovskij gosudarstvennyj jenergeticheskij universitet [Ivanovo State Energy University], 2001, pp. 100–109.

- Serova N. (2018). Vklad Solov'yova v razvitie filosofii yazyka v Rossii [Solovyov's Contribution to the Development of the Philosophy of Language in Russia], *Solov'yovskie issledovaniya* [Solovyov Studies], Iss. 1 (57), Ivanovskij gosudarstvennyj jenergeticheskij universitet [Ivanovo state energy University], 2018, pp. 23–34 (in Russian).
- Solov'jov V. [Solovyov V.] (1914). Voskresnyye pis'ma [Sunday letters], *Sobraniye sochineniy v 10 t. pod. red. S. M. Solov'yova i E. L. Radlova* [Collected works, 10 Vols, Ed. S. Solovyov and E. L. Radlov], Vol. 10. Saint-Petersburg: Prosveshcheniye (in Russian).
- Solov'jov V. [Solovyov V.] (1914). Opravdaniye dobra. Nravstvennaya filosofiya [Justification for good. Moral philosophy], *Sobraniye sochineniy v 10 t. pod. red. S. M. Solov'yova i E. L. Radlova* [Collected works, 10 Vols, Ed. S. Solovyov and E. L. Radlov], Vol. 8, Ibid. (in Russian).
- Solov'jov V. [Solovyov V.] (1913). Teoreticheskaya Filosofiya [Theoretical philosophy], *Sobraniye sochineniy v 10 t. pod. red. S. M. Solov'yova i E. L. Radlova* [Collected works, 10 Vols, Ed. S. Solovyov and E. L. Radlov], Vol. 9, Ibid. (in Russian).
- Solov'jov V. [Solovyov V.] (1911–1914). Smysl lyubvi [Meaning of love], *Sobraniye sochineniy v 10 t. pod. red. S. M. Solov'yova i E. L. Radlova* [Collected works, 10 Vols, Ed. S. Solovyov and E. L. Radlov], Vol. 7, Ibid. (in Russian).